

«СКОЛЬ РАБОТЫ, ПЕТРОВИЧ...»

Подворье Алёши Батакова обычно встречает и провожает меня собачьим лаем: заливи-стая шавка – у ворот; у скотьих базов – волкодав в добрую телушку ростом глухо гавкнет, глядит: куда правишься. Хозяина не видать.

Подворье, даже по меркам хуторским, огромное: подле забора – малая хатка, а дальше – город: скотьи катухи, сараи, крытые да выгульные базы, скирды сennика, а ещё – немереные огород да сад, которые тянутся в упор до займищного леса. Где-то там, в глубине своего просторного государства, Алёша. Заросшее недельной щетиной лицо, вваленные щёки, худое жилистое тело. «Петрович, сколь работы...» – обычное присловье его.

Видимся нечасто. Больше – на ходу.

Вечером, уже в полутьме, на лошади скачет, остановится:

– Бычки другой день домой не идут, – жалуется. – С чеченскими свалахтались, уходят на просо, аж к Змеиному рыну. Это ведь до поры... Надо искать да гнать. – И поскакал в гору. Пригонит бычков поздно, уже в ночи.

Чуть свет, на заре, на берег идём с приятелем, к лодке, навстречу громыхает Алёшин тракторёнок. Уже от воды. В тележке – мотор, сети да ящики с рыбой, коли есть она. Порою мимо проскочит, лишь рукой покажет: мол, спешу; чаще остановится, не выключая движка, доложит: «Сплыл на леща... Сплыл на чехонь...» И результат. Закончит обычным: «Петрович, на уху возьмёшь?» – «Спасибо, сами поймаем». – «Ну гляди... Будешь уезжать – упреди. Посерьёзней чего добудем...» И покатил дальше.

Вечером возвращаюсь от речки и займища мимо Алёшиного подворья. Сумерки. Солнце уже опустилось за Львовичеву гору. Шавка залаяла. На ступенях крылечка что-то шевельнулось. Глянул: Алёша сидит.

– Здорово дневали, – говорю.

– Слава Богу, Петрович, заходи. – И на шавку прицыкнул, а сам сидит на ступенях.

Я вошёл во двор, он лишь тогда медленно приподнялся, посмеялся над собой:

– До хаты добрался, а взойти не могу... Ныне жену отправлял, в три поднялся, поехал, три раза сплыл. Надо, Петрович... Отвёз жену напрямиком к базару. Вернулся, сколь работы, Петрович, не присел за день. Одно за другое цепляет. Скотина, птица, огород... Вот прибился к хате, присел и не встану. А надо ещё собак покормить, да и самому... Тебя чем угостить, Петрович?... Либо чехонью? Хорошая подошла...

Я отнекался и, быстро распрощавшись, ушёл. Какие уж тут беседы...

Другое дело – днём. Идёшь мимо, увидишь, окликнешь: «Здорово работали!» – «Слава Богу, Петрович! Заходи, попроведай...»

Побритый, улыбчивый, ясноглазый, Алёша глядит молодо, как и положено в тридцать с немногим лет; тем более, что он на лицо худощав и телом костляв и жилист, подвижен, на ногу скор.

– Новости какие? – любопытствует он. – В городе, в Москве? Мы тут потонули в навозе. Ничего не знаем. Газет не видим. Да и когда их читать, Петрович? Сколь работы... Телевизор паутиной оброс, летом про него и забыли... Сколь работы... Пойдём поглядишь мое хозяйство. Хвалиться особо нечем. Надумал вот хату строить...

Про хату давно было сказано. Два ли, три года назад притянул Алёша трактором ребристые молотильные катки с Евлампиевского хутора, с его руин. В древние годы этими катками, вырубленными из дикого камня-песчаника, молотили хлеб на токах, потом катки приспособили ставить фундаментом, под первый венец. Вот и Алёша на них позарился, трактором приволок, потом оправдывался, что они лежат без дела:

– Петрович, сами-то ладно, а скотина должна под крышей стоять. Иначе с неё не спросишь. Это мне отец всегда говорил. А он по скотине был первый. И гуляк держал, и овечек, и коз. Помногу. За что и выжили... Петрович, птица под белым небом лишь днём, а ночью надо в тепле... Тем более на гнезде, – внушал он. – Петрович, она хоть и свиньей зовётся, но в сырости, при сквозняке жить не будет, – убеждал он меня.

Его отец когда-то жил здесь. Батаковых подворье старые люди ещё помнят. Оно давно в руинах.

Дело в том, что на хуторе Алёша – новосёл, хотя и здешний рожак. Когда-то Батаковы здесь жили, а потом ушли в райцентр. Там и Алёша трудился на судоремонтном заводе. Женился, двоих сыновей народил, построил дом – всё как положено.

А потом начались горькие перемены. Всё закрылось. Невеликие заводи: авторемонтный, судоремонтный, металлопроволочный, «Сельхозтехника» и прочее. Бродят мужики по райцентру с утра до ночи, друг об друга бьются. Нет работы.

У Алёши сыновья – малолетки, жена, сам – четвёртый... Вот и приехал на старые пепелища. Стали жить враскорячку: дом – в райцентре, там – школа, там учатся сыновья и, конечно, мать при них, хозяйин – на хуторе.

Брошенную развалюху-«саманку» подправил, на землю нынче, слава Богу, запрета нет.

– Петрович, тут столь делов... – показывал он свое хозяйство при знакомстве и первых встречах. – Тут работать и работать...

Летом приезжают жена да сыновья. «Трудятся, как мураши... – говорят о них. – На речку не ходят».

«Речка» – это вроде хуторского бульвара ли, клуба для молодых. Городские внуки там кувыркаются на зелёной травке, загорают, в воде бултыхаются, крутят любовь. Алёшиных ребят там не видно.

Да их и нигде не видно. Батаковская усадьба в полхутора. Как не затеряться среди скотых сараев, катухов, базов да навесов, а ещё – молодой сад, огородная плантация.

– Петрович, тут делов...

«Делов» и в самом деле немало. Тот же погреб. Кажется, что в нём? Обычная крытая яма с «выходом». Летом там холодок. Для молока, для всякого варева хорошо. Не скиснет. Зимой хранится картошка да другой овощ. Сам когда-то копал в доме своём, в посёлке. Крышу менял, когда подпревала. Сосед мой, хозяйственный дед Петро, погреб соорудил – всей улице на удивленье, ходили на экскурсию. Широкий спуск по ступеням, а внизу – простор: картофельный закром, полки для банок с вареньем-соленьем, место для бочек, высокий потолок, труба для вытяжки – словом, хоромы. Но что дед Петро...

Алёшин погреб, когда я лишь заглянул в него, обомлев, это что-то немислимое: вроде станции метро. Глубоченный бункер в два этажа с перекрытием. Дикого камня кладка на растворе. Электрический свет.

– Петрович, – убеждал меня Алёша, – погреб для хуторского быта – первое дело. Это в городе – холодильник, бросил кусок мяса – и всё. А у нас... Молоко кислое, пресное, творог... А картошки сколь... А свёклы, моркови. Себе, скотине...

Мы опускались в глубины погреба, в глухие низы.

– Петрович... – внушал мне Алёша. – Сам знаешь, рыбой заниматься без погреба – пустой номер. При нашей жаре погубишь или за так отдашь... Такие труды, ночью не спишь, хо-

ронишься, а проку... С погребом – уже моя воля. Цену не дают! Я засолю по-хорошему. Она в тузлуке всё лето пролежит. Нужно, отмочил да повялил – и всё в дело.

На воле полыхало жаркое лето. В подземной глубине было холодно. Поднявшись наверх, я с удовольствием подставлял озябшую спину солнышку, согреваясь. И вдруг иной холодок меня пронизал. Хозяин стоял возле: вовсе не богатырь, кожа да кости, жилистые плети рук, узкие плечи, втянутый живот, про таких говорят у нас: на балык ли, в дощечку высох. А рядом – это каменное подземелье, колодезная глубина его, в два этажа, просторные своды...

– Алёша... – спросил я. – Ты как его сделал?

Это был пустой вопрос, потому что знал я: никаких экскаваторов, бульдозеров, никакой техники и никакой помощи, кроме сыновьей, а они – ребяташки... не было ничего.

Но ведь сделано. Я только что вылез оттуда, из холодного подземелья. Такую страсть лишь выкопать, столько земли выбросить, да ещё с такой глубины её тягать надо вёдрами, да приготовить камень, привезти, опустить вниз, выложить стены, дважды перекрыть... Он стоит, светлыми глазами хлопает, вздыхает, повторяя своё:

– Петрович, сколь работы... Сколь работы, Петрович... А куда денешься... без погреба, сам понимаешь... Жизнь хуторская – это не город. Тем более рыбой заниматься...

Что тут скажешь... Лишь повторишь Алёше вослед: «Сколь работы...»

И только ли погреб? А скотьи сараи, базы, птичник, два артезианских колодца – во дворе и на плантации, – цистерны для воды, железные трубы по всему огороду и саду.

– Петрович... – внушал он мне. – При нашей жаре день и ночь надо лить. Что капусту, что помидоры... А уж молодые садины, особенно яблоньки, груши... Дед Астах – люди и ныне помнят – ночи напролёт, бывало, возит из речки и поливает. Батаков сад, ты слышал, наверное, по-над речкой. И мельница там была, Батакова... За что и пропал. А без воды у нас ни в чём росту не будет, нечего и затевать.

В первую зиму он ставил забор. Из займища на санках – тогда у него и трактора не было – возит и возит жерди. На пиле под навесом «распускает» их вдоль, снимает кору. Только и видишь его: тянет сани, согнувшись. Только и слышишь: визжит пила, даже ночью, когда выходишь из дома. Зимняя ночная хмарь, снег по земле. Хутора во тьме не видать, лишь редкие огни. И голос пилы-циркулярки.

Встретишь его, в займище ли, на пути, он объясняет:

– Петрович, это же – скотина... Тем более у чеченов, они вовсе не пасут. Трудись всё лето на огороде, вырасти, а они зараз снесут, а свиньи если залезут. Дикие приходят... Забор надо настоящий, Петрович... Сколь работы. Но куда деваться...

Закурит – и потянул немалый, крепко увязанный воз. Добро, что зима была снежная. Дорогу накатал. Деревянные полозья идут легко.

Ставил он забор с сыновьями. И теперь, когда мимо иду, не удержусь: подойду и потрогаю. Ровные струганые плашки. У каждого гвоздя под шляпкой – ещё и шайба. А сверху – краской закрыто. Тут никакая ржа не возьмёт. Плашка за плашкой, пролёт за пролётом... Тянется и тянется. Конца нет. Охват – километра два, не меньше. «Сколь работы, Петрович...»

Но это всё – прошлое. Нынче Алёшу, как на хуторе говорят, «рукой не достанешь». Коровы, быки, телята – табун немалый. Лошади есть, их татары берут. Свиноматки племенные. Поросята свои, это уже полдела. Десятка два, наверное, всегда на откорме. Конечно, птица: куры, гуси хорошие, белые. Огород, сад. Колёсный трактор, хоть и старенький. Машина с прицепом, «уазик». Для наших дорог – лучше не надо. Алёша занимается рыбой. Цены теперь неплохие. Перекупщиков – море. Лишь свистни. Но рыба – дело нелёгкое. Весна, на воде – холод; тем более, потаясь, ночью. Сладкого мало. Но где оно, сладкое?

Иногда Алёша спросит меня:

– Петрович, ты всё же повыше... Когда же наладится? Заводы стоят... Я заезжаю иногда, кое-какие железки нужны. Погляжу – аж страшно... Но ведь без этого не обойтись, без техники?

Он смотрит на меня с надеждой. А что я отвечу...

– Это же важное, понимаешь, Петрович. Мы делали водомётные катера, баржи. На всю страну. Это ведь – нужное.

Мне кажется, что он по своему заводу тоскует. И чего-то ждёт. А день нынешний – лишь для прокорма: сыновья, жена. Потому и раскорячка: райцентр и хутор.

Но время бежит. Старшего сына нынче забрали в армию.

– Петрович, всё понимаю: долг, все мы отслужили, обязаны. Но сколь делов... Он парень до работы цапучий. Ни подгонять, ни подсказывать. Упрётся как бычок. А ныне – ну вроде руку обрезали. А тот – ещё молодой. И жена – при нём, не кинешь. Самый возраст. А здесь сколь работы, Петрович...

– Надо кого-то брать, – предлагаю я. – Бича привези. Будешь кормить, платить помаленьку. Ему хорошо и тебе. Чечены держат...

– Это надо привычку иметь, – вздыхает он. – Как-то неловко, вроде батрак. Я уж думал. Но надо чтобы по-людски жил человек... А у меня и жить толком негде. Мазанка... Дом строить... Сколь работы с ним, Петрович...

Разговор этот был в пору осеннюю. Потом долго не виделись.

Зимой возвращался я как-то с речки, ходил окуней дёргать. День был ненастный. С утра проглянуло солнце, а потом стало гаснуть. По речке, на льду, дуло, мело. Поначалу шла метель низовая – кура. А потом повалил снег, и всё смешалось в белесой мгле. Уже ни холмов, ни речки, а снежная круговерть.

Но всё это – недалеко от хутора. Никакой беды. Одежда тёплая. Пробирался я к дому, прикрывая лицо от ветра и снега. Прошёл низину, заросшую вербой да тополем, и вот он – хутор, которого не видать. Лишь белёсая мгла, ветер, снег. Но понятно, куда идти, ноги сами несут мимо подворья Алёши Батакова. Почувяв меня, глухо заворчала овчарка. Значит, рядом забор. Обо-гнул его и услышал стук. Рядом стучали, по дереву. Я остановился.

Всё так же сыпало и мело. Под ветром снег летел сверху и снизу. Пуржило. Рядом серой мутью проглядывали ворота. Залилась лаем шавка, стук оборвался. Через снежную круговерть, глуховато, раздался голос:

– Кого Бог несёт?

По голосу узнал я Алёшу, громко ответил:

– Гости идут! Гости!!

Открыл я воротца, а тут и хозяин встретил меня радостным возгласом:

– Петрович! Либо блукаешь?! Рыбалил?! – углядел он мои снасти и рассмеялся: – Нужда?.. По такой пурге.

– У меня-то нужда, – ответил я в тон. – Голод – не тётка, и в пургу погонит. А ты вот чего колотишь?

– Заходи, поглядишь. Проходи, проходи. В доме затишно.

Во дворе, в снежной метельной белеси, углядел я каркас строящегося дома. Вослед за хозяином поднялся по трапу, но обещанного затишья не отыскал, хотя одна из стен наполовину была закрыта.

– В горнице сядем? – посмеиваясь, спросил Алёша. – Или на кухне? У печки теплее.

– Кабы не вспотеть, – ответил я. – Выбрал ты время для стройки...

– Самая пора, Петрович. Ни сенокоса теперь, ни посадки, ни полива, жука не надо морить, заниматься рассадой, скотину пасти тоже не надо, и рыба не идёт, лишь самые жадные, вроде тебя, хвост морозят. А я каркас заготовил ещё по осени, сын приехал, поставили... Теперь лишь – колоти... Весной помажется, и помаленьку... Осенью – новоселье, приезжай, – пригласил радушный хозяин.

Я лишь головой покачал, произнеся присловье Алёшино:

– Сколь работы...

Хоть и не больно высоко поднят был каркас над землёй, но казалось, что здесь метёт и дует яростней, даже снизу несло, из щелей настила.

Долго не поговоришь. Я быстро распрощался. Хозяин проводил меня до ворот: телогреечка-ватник, солдатским ремнём подпоясанная, шапка-ушанка, под ней – острый нос, небритые вваленные щёки, а глаза весёлые.

– Про новоселье не забудь...

Он успел нырнуть куда-то в белёсую невидь, предупредив: «Погоди...» – и мигом вернулся с гостинцем – вяленой рыбой: пяток увесистых синцов осеннего посола.

От Алёшиного подворья до тёплого моего жилья путь недолгий.

Добравшись, я сбросил в сенях тяжёлую шубу да валенки. А потом налегке в натопленной хате чаёвничал. И Алёшиного синца разодрал, не выдержал.

Серебристая тонкая шкурка. Под ней – розовая нежная мякоть, текучий жир, невеликая грудка икры в ястыковой пелене, прозрачные боковины с тонкими рёбрышками, головка, плавники, брюшина – всё едовое. Ешь, смачно вгрызаешься, сосёшь, причмокивая, и шумно нюхаешь, впиваешься глазами в сладкий кус. И жадно косишь на тот, что рядом.

Нет, это – не еда, не утоление плоти, но праздник её.

Хороша рыбка у Алёши Батакова, а уж осенний посол и вовсе сказка.